

Алексей Черныш

**Правило
случайного
номера**

Алексей Черныш

Правило случайного номера

«Издательские решения»

Черныш А.

Правило случайного номера / А. Черныш — «Издательские решения»,

Фантастическая повесть о любви к комфорту и красивым женщинам, ностальгии по Советскому Союзу, практике осознанных сновидений и нашествия инопланетян-телепатов.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Правило случайного номера

Алексей Черныш

© Алексей Черныш, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

– Вы ознакомились с условиями пребывания в отеле, в частности, с «правилом случайного номера»? – спросила у Петра Никифоровича девушка на ресепшене, протягивая ему бумаги на подпись.

– Да, конечно. Мне кажется, это честные условия. Мне всё нравится, я мечтал о таком отдыхе всю свою долгую трудовую жизнь. Давайте скорее всё подпишем.

– В любом случае, первые двое суток Вам нечего опасаться. Да и после тоже, в нашем отеле восемь корпусов, шанс оказаться в случайном номере ничтожен.

Девушка взяла у Петра Никифоровича подписанные бумаги, сказала: «Благодарю Вас, вот Ваш ключ», и протянула пластиковую карточку, на которой красовалась эмблема отеля и число 5417.

«Пять – это номер корпуса, четыре – этаж. Комната семнадцать на четвертом этаже пятого корпуса» – бормотал себе под нос Петр Никифорович, выходя из главного корпуса отеля на тридцатисемиградусную жару побережья Анталыи. Его старомодный, советских времён, чемодан, выглядел нелепо на фоне пальм, блестящих современных автомобилей, загорелых мужчин и девушек в купальниках.

«А ведь когда-то этот чемодан обошёлся мне почти в половину новенького «Москвича» – размышлял новоприбывший турист, поднимаясь на лифте на свой четвертый этаж.

Номер был шикарный – просторная кровать, стол с большим зеркалом, собственные туалет и душ, а главное – балкон с видом на Средиземное море. «Эх, жаль, старуха моя не дожила до такой жизни, всего-то три года» – вздохнул Петр Никифорович, голышом развалившись на кровати, обдуваемый прохладным воздухом из нависающего кондиционера.

Дни в отеле летели незаметно. «Вот ведь капиталисты придумали» – размышлял Петр Никифорович, плескаясь вечером в переливающимся красными цветами бассейне – «наверное и впрямь мы со своим социализмом не по той дороге пошли. Разве мог советский человек себе такое представить? А эта система питания „все включено“ – это же просто воплощение коммунистической идеи!». Его ничуть не заботила очевидная нелогичность его собственных мыслей, слишком уж хорошей, непривычно, невозможно хорошей стала его жизнь за эти дни.

Первая встреча с жертвой «случайного номера» состоялась то ли на пятый, то ли на шестой день его пребывания в отеле. Утром, после плотного завтрака, со стаканом бесплатного, как и всё остальное здесь, пива, Петр Никифорович шел на пляж, готовясь снова погрузить своё уставшее за долгую трудовую жизнь тело в Средиземное море. Рассматривал шедших ему навстречу купальщиц, подмигивая особенно красивым. «Есть, конечно, и некоторые преимущества в одиночестве» – размышлял он, как вдруг его взгляд упал на женщину среднего возраста, очень привлекательную для своих лет, если бы не отрубленная левая рука.

В том, что рука была именно отрублена, не было никаких сомнений. Причем отрублена она была с особой, как сказали бы прокуроры, жестокостью. Петр Никифорович сперва подумал, что это какая-то производственная травма. Вспомнил своего коллегу Михал Борисыча, который лишился ступни на заводе из-за несоблюдения техники безопасности, как у нас водится, по пьянке. Но рука этой женщины была отрублена кем-то умышленно, отрублена топором, с особой жестокостью. Достаточно было просто посмотреть на то, что раньше было предплечьем, чтобы это понять. Не оставалось никаких сомнений.

«...проживающий в случайном номере во время ночного сна может быть подвергнут различным физическим истязаниям, в том числе с применением грубой силы и различных технических средств и инструментов, на усмотрение сотрудников отеля» – Петру Никифоровичу вспомнилась фраза из подписанного несколько дней назад договора. «Обязательным условием для осуществления истязаний является предварительное обезболивание проживающего. Отель

гарантирует, что проживающий в случайном номере не почувствует никакой боли во время истязаний, а так же в течение первых двадцати четырех часов после их осуществления». Он еще раз осторожно взглянул на женщину, а та улыбнулась, подмигнула, и сказала по-русски: «Это честные условия. Этот отдых того стоит. Вы один отдыхаете, или с супругой?».

«Один, супруга моя отбыла в мир иной три года назад» – ответил Петр Никифорович, и представился: «Петр». «Галина» – ответила женщина, и легонько прикоснувшись правой рукой к плечу Петра Никифоровича, жестом указала в сторону моря. И Петр Никифорович почувствовал, как тревога, накатившая было на него при встрече с Галиной, сменилась каким-то пронзительным, давно забытым ощущением счастья, как будто ему снова было шестнадцать, и весь мир снова лежал у его ног.

Глава 2

Далекому в прежней жизни от мировой экономики и проблем биоинженерии, и теперь заинтересовавшемуся ими в связи с радикальными переменами в его собственной жизни, Петру Никифоровичу удалось выяснить следующие факты. В связи с резким скачком цен на рынке живой человеческой ткани, обусловленным прорывом в биоинженерной области, для тех людей, кто был в курсе событий, на короткое время открылись широкие возможности. Особенно везучим удалось сколотить себе огромные состояния, вовремя продав всего лишь собственный мизинец левой ноги. Последующее лавинообразное усиление криминальной активности в погоне за человечинной вынудило все государства на планете ввести жесточайший контроль практически за всеми сферами жизни собственных граждан, в целях обеспечения их физической сохранности. Торговля живой человеческой тканью была взята под беспрецедентный контроль международных организаций, и после нескольких широких международных антикриминальных кампаний с показательными расстрелами и повешениями преступников страсти вокруг добывания живой человечины несколько поутихли.

Однако потребность в образцах оставалась огромной, при этом черный рынок живой человеческой ткани впервые в истории всех черных рынков был по-настоящему ликвидирован. Ни осталось ни единой возможности для нелегальной продажи или покупки, ни на задворках наркопритонов, ни в глубинах даркнета. Оставались только легальные пути добычи образцов, очень сложные, обременительные, контролируемые целой армией специально созданных институтов и учреждений внутри каждой из стран и до крайности отягощенные международной бюрократией.

Все эти новости планетарного масштаба открылись Петру Никифоровичу только здесь, в турецком отеле, точнее сказать, он сам впервые проявил к ним интерес. Последние два года он провел в стационаре районной психиатрической больницы, находясь в тяжелой депрессии из-за трагической смерти жены. Лечащий врач, отчаявшись справиться с его состоянием, махнул на него рукой, но сосед по палате однажды втихую выбросил его недельную дозу психотропных препаратов в унитаз, и, к четвертому дню трезвости, дождавшись относительно ясного состояния больного, предложил вариант с этим турецким отелем. На тот момент Петру Никифоровичу было решительно все равно, но здесь, на Средиземном море, он не раз вспоминал с благодарностью соседа по палате. Смена обстановки помогла, вкус к жизни возвращался к некогда безнадежному больному не по дням а по часам.

Петр Никифорович выяснил, что владелец отеля, в котором он поселился, был одним из немногих счастливицков, оказавшихся в нужное время в нужном месте. В считанные дни он сколотил себе огромное состояние на операциях, вскоре объявленных вне закона. Это позволило ему в то короткое время, пока велись международные переговоры по проблеме, пролоббировать на своей родине особую статью, позволяющую, при выполнении огромного количества оговорок и при серьезных отчислениях в казну, добывать образцы живой человеческой ткани на подконтрольной ему территории. К таким оговоркам относились, помимо прочего, и пожизненное бесплатное обеспечение всех потенциальных доноров повышенным уровнем жизненного комфорта, и полное отсутствие боли при взятии образца, а так же случайный выбор даты его забора. При этом устанавливался так называемый порог девяти процентов, который означал, что в действительности образцы могут быть взяты лишь у 9% из общего числа подписавших согласие потенциальных доноров.

Петра Никифоровича в этой истории смущало два момента. Во-первых, какие такие причины побудили абсолютно все государства на планете, многие из которых ранее неоднократно устраивали свирепейший геноцид как чужих, так и собственных народов, проявить такую удивительную сговорчивость и слаженность в борьбе за физическую целостность своих и чужих

граждан, включая и всякого рода бомжей, политических преступников, и прочих антисоциальных и антигосударственных деятелей и элементов?

В том, что черный рынок живой человеческой ткани был действительно уничтожен, сомневаться не приходилось, равно как и в том, что на самом деле нигде не было никакой коррупции в этой сфере, даже в самых коррумпированных странах мира. Это казалось странным до невозможности, и тем не менее это было именно так. Очевидно, для всего этого должны были быть какие-то очень веские причины.

Во-вторых, в чем был смысл особой жестокости, с которой в отеле, где жил Петр Никифорович, собирались образцы? Разве нельзя было делать тоже самое в хорошо освещаемых и стерильных условиях медицинского кабинета, под контролем хирургов, без топоров, садовых ножниц и электрических пил?

Кроме Галины, Петр Никифорович познакомился и с другими жертвами правила случайной комнаты. Всех жертв объединяло нечто общее – отнимали у них, чаще всего, почти целиком какой-то крупный двигательный орган, то есть руку либо ногу. Раны всегда выглядели чудовищно, особая жестокость забора образца всегда была очевидна. Однако нечувствительный к деталям ум Петра Никифоровича не замечал несоответствия между целой отнятой конечностью и легендарным проданным мизинцем левой ноги, его занимала лишь непонятно для чего необходимая особая жестокость сотрудников отеля.

Глава 3

Ум у Петра Никифоровича был не очень чувствителен к деталям, однако его органы восприятия, в особенности слух, были настроены очень тонко.

– Знаешь – рассказывал он как-то Галине за ужином, смакуя очередные кулинарные изыски отельных поваров – странное дело. Утром сегодня на пляже проходил какой-то парень, молодой, волосатый, и у него музыка играла из приемника. Пели по-русски, но я разобрал только одну фразу, звук был такой, как будто качественно сделанная запись была впоследствии умышленно пропущена через старый советский телефон и в другой комнате снята микрофоном с громкоговорителя. Я это сразу себе представил, я ведь в молодости увлекался всем этим, паял усилители на лампах, радиоприёмники собирал на только появившихся тогда транзисторах, даже пару раз записывал только-только поднимавших головы рокеров...

Из воспоминаний о молодости Петра Никифоровича выдернул вопрос Галины, прозвучавший одновременно как-то излишне резко и излишне вкрадчиво. Она спросила:

– Какую фразу? Ты разобрал какую фразу?

– Что? Фразу? А... Сейчас... Что-то про фиолетовый разум кажется...

ФИОЛЕТОВЫЙ РАЗУМ ВСЕГДА ЭТО ЗНАЛ

и потом... кажется, так было:

МЕЖДУ ЭТИМ И ТЕМ – ПУСТОТА

Петр Никифорович бросил вопросительный взгляд на свою подругу, и, заметив какой-то странный, болезненный оттенок серо-золотого в её обычно спокойных и красивых зелёных глазах, сразу заволновался: «Галюша, пойдем-ка домой сейчас, я же тебе говорил – перегреться в такую жару».

В тот вечер обычно словоохотливая Галина более не проронила ни слова, по требованию Петра Никифоровича послушно выпила успокоительного, легла в свою любимую кровать на балконе, и долго лежала неподвижно, уставившись широко раскрытыми глазами прямо в звёздное небо.

А Петр Никифорович заснул быстро. Ему снился далекий 1985 год, большие сугробы, и наполовину утопленные в них огромные транспаранты с лозунгами «УСКОРЕНИЕ» и «БОЛЬШЕ СОЦИАЛИЗМА!». Как это с ним часто случалось, Петр Никифорович осознал себя во сне, вспомнив, что ведь все это он уже видел когда-то, и, получив контроль над содержанием собственного сновидения, стал предпринимать попытки скорректировать ход исторических событий таким образом, чтобы Советский Союз через шесть лет вместо своего развала стал бы еще сильнее и краше, чем был в 1985м. Как оказалось, такая корректировка была невозможна даже в осознанном сновидении, не смотря на все усилия, пружина Перестройки разворачивалась со всей своей губительной для страны неумолимостью, и после принятия решения об отказе от однопартийной системы Петр Никифорович проснулся, аккуратно записал содержание сновидения в специально заведенный для этих целей блокнот, лежавший рядом с кроватью, и, грязно выругавшись, встал, чтобы выпить воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.